

скромным: переводы источников, комментарии к ним, словари — это такие материалы, которые каждый специалист хотел бы иметь под рукой; возможно, следовало бы наладить более широкую информацию о готовящихся изданиях и организовать внутри академических институтов подписку на подобные выпуски (ведь 300 экземпляров — не предел для ротапринта). В подобных изданиях можно было бы шире использовать рисунки, диаграммы, иноязычные тексты. Наконец, можно мечтать и об издании параллельных текстов оригинала и перевода. В оформлении книги «Средневековье в свидетельствах современников» особенно трагично собственноручно нарисованный В. И. Уколовой титульный лист — мы видим, что ученый XX века может быть так же предан книжному

делу, как современник Алкуина, и вложить в оформление своего труда столько же любви и старания, сколько он вложил в научную работу.

В заключение хотелось бы выразить пожелание, чтобы ротапринтные издания шире использовались и чаще рецензировались, чтобы публикация такого рода рассматривалась как вынесение работы на широкое обсуждение, а рецензии принимались во внимание теми инстанциями, где будет решаться вопрос о целесообразности передачи той или иной работы в издательство «Наука» для выпуска массовыми тиражами. Сборник «Средневековье в свидетельствах современников» может стать для последующих опытов и парадигмой, и критерием оценки их достоинств.

Т. В. Васильева

Vom Bauernhof auf den Kaiserthron. Das Leben des Kaisers Basileios I. Übersetzt, eingeleitet und erklärt von Leopold Breyer. Graz; Wien; Köln; Styria, 1981 (Byzantinische Geschichtsschreiber, Bd. 14)

Очередной, 14-й выпуск серии «Византийские историки», издаваемой в Австрии (в настоящее время ответственный редактор — И. Кодер), представляет перевод V книги так называемого Продолжателя Феофана — анонимного сочинения, очевидно, написанного по заказу императора Константина VII Багрянородного (905—959). Пятая книга, содержащая жизнеописание Василия I (далее: ЖВ), основателя Македонской династии, правившей около двухсот лет (867—1056), была составлена, скорее всего, около 948 г. и, вероятно, принадлежит перу царственного внука Василия I — самого Константина VII. С выходом в свет перевода ЖВ историки-медиевисты, не знающие греческого, получают важный источник по истории Византии IX в., а также сопредельных с нею народов — славян, франков, арабов. Что же касается читателя-неспециалиста, то у него появляется возможность познакомиться еще с одним памятником византийской литературы, основная масса которой отделена от него в первую очередь стеной греческого языка. Стоит отметить, что в данном случае ЖВ впервые целиком переводится на новый язык¹. Остается также только сожалеть, что в отечественном византиноведении нет столь же хорошей, полезной и к тому же регу-

лярно выходящей серии, как «Византийские историки».

Леопольд Брейер² снабдил свой перевод обширным введением, примечаниями, а также именным и географическим указателями. Перевод ЖВ выполнен по тексту «Боннского корпуса», при этом положительной стороной издания является то, что Брейер привлек чтения до сих пор не учитывавшейся самой ранней рукописи памятника (XI в.) Vat. Gr. 167³. Эта рукопись положена в основу нового издания текста ЖВ, подготавливаемого в настоящее время американским византистом И. Шевченко. Наряду с этим продуктивна попытка Брейера сделать источник «видимым» в буквальном смысле этого слова: в целом ряде случаев он соотносит текст ЖВ с миниатюрами мадридской рукописи Скилицы, которые изданы в работах П. Шеррада и Д. Моравчика. Наконец, приятно видеть, что в списке использованной литературы (с. 30—36) упомянуты работы русских и советских византистов. Неясным остается лишь факт, пользовался ли Брейер существующими переводами ЖВ в отрывках⁴, а также был ли привлечен им материал для критического издания ЖВ, собранный К. де Боором и в настоящее время хранящийся в Институте византиноведения и новогреческой филологии (Мюнхен)⁵.

¹ В библиографиях К. Крумбахаера, Д. Моравчика и Г. Хунгера указаний на полный перевод ЖВ не содержится. См.: *Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur*. München², 1897, S. 349; *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica*, Bd. 1: Die byzantinischen Quellen zu der Geschichte der Turkvölker (=BBA, 10). В. 2, 1958, S. 542; *Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner*. München, 1978, Bd. 1, S. 341.

² Перу Л. Брейера принадлежит также перевод отрывков из хронографии Феофана. См. рец. М. Я. Сюзюмова: ВВ, 1960, XVII, с. 257—260.

³ Крумбахаер, правда, относит эту рукопись к XII в. См.: *Krumbacher K. Op. cit.*, S. 349.

⁴ *Moravcsik Gy. Op. cit.*, S. 542.

⁵ Там же. Необходимо также отметить последний русский перевод ряда глав ЖВ (78—94), выполненный В. Д. Лихачевой и Я. Н. Любарским. См.: ВВ, 1981, 42, с. 171—183 (далее: *Любарский, Лихачева*).

Во введении Брейер разбирает главным образом содержание памятника в целом, обращая внимание в основном на аутентичность сообщаемых в нем сведений и лишь отчасти — на цели и задачи, которые ставил перед собой царственный писатель — Константин VII. Так, переводчик и комментатор отмечает, что ЖВ прежде всего — «пропагандистское», «агитационное» сочинение, с помощью которого Константин стремился подчеркнуть предопределенность свыше, а значит — законность прихода к власти своего деда — Василия I, уроженца окрестностей Адрианополя (считавшегося в то время македонским городом). Помещая памятник в историографический контекст, Брейер привлекает сочинения Псевдо-Симеона, Продолжателя Георгия Монаха, Иоанна Скилицы, а также монодию на смерть Василия I, произнесенную его преемником и сыном — Львом VI (Мудрым) (886—912). На материале ряда рассмотренных Брейером эпизодов читатель может ясно видеть, как обходит многочисленные «подводные камни» Константин VII, повествуя о своем деде. Лишь сопоставление фактов, взятых из разных источников, показывает, например, что супруга Василия, благочестивая Евдокия Ингерина, впоследствии изображенная вместе с мужем и детьми на потолке Кенургия (ЖВ, 333 : 16), раньше была любовницей Михаила III, благодетеля Василия и его предшественника на троне. Весьма вероятно также и то, что Лев VI был сыном Евдокии от Михаила. Наконец, несомненным становится участие Василия I в заговоре против Михаила III и многое другое.

Касаясь литературоведческой стороны изучения памятника, Брейер отмечает лишь стремление Константина создать идеальный образ императора и использование им для этой цели большого количества античных цитат и реминисценций, а также символики, присущей классической греческой литературе (с. 11—12).

Однако, несмотря на отмеченные здесь положительные стороны введения, оно содержит целый ряд серьезных недостатков. Прежде всего, Брейер, перечислив основные сочинения Константина VII, не сказал ни слова о том, в каком отношении к ним находится ЖВ, есть ли общие источники, в каком количестве рукописей до нас дошло ЖВ и т. д. Переводчик и комментатор не поставил вопроса о том, для кого предназначался этот памятник и какова была аудитория Константина. Наконец, опущен еще один немаловажный аспект — авторское от-

ношение к литературному труду и его выражение в тексте ЖВ.

Хотя само введение рассчитанной на довольно большой круг читателей книги, а тем более — настоящая рецензия слишком малы для того, чтобы обстоятельно ответить даже на один из поставленных здесь вопросов, тем не менее сказанное нельзя оставить без внимания, так как освещение этих аспектов поможет ощутить атмосферу эпохи, в которую создавалось ЖВ, а значит — лучше воспринять его как исторический (в самом широком смысле этого слова) и литературный памятник. Отметим, на наш взгляд, лишь самое главное. Брейер упоминает о том, что сочинение преследовало «пропагандистские» цели, не охарактеризовав при этом его жанр. Уже при первом анализе композиции и структуры образов можно заметить, что, с одной стороны, памятник тяготеет к передаче «идеализированной действительности»⁶, в центр его поставлен образ, без сомнения рассматривавшийся автором, как «образец для подражания» (ЖВ, 212 : 10—13), он сопровождается «анкетой» — перечнем необходимой информации, с ним, наконец, сопряжено появление всякого рода чудес. С другой стороны, в памятник включен лишь тот биографический материал, который наиболее способствует решению поставленной задачи — дать образ идеального правителя, тогда как остальные факты, имеющие косвенное отношение к замыслу или противоречащие ему, опускаются. Все перечисленные особенности свидетельствуют о том, что жанр ЖВ близок к житийному, хотя сам Константин никогда не характеризует свое сочинение, как «житие». Однако в заглавии памятника стоит: «историческое повествование о жизни и деяниях...» (ЖВ, 211 : 12). Эта очевидная «двухжанровость» говорит о том, что при всей установке на идеализацию образа Василия I Константин, тем не менее, стремился к объективности (хотя бы декларируемой). При этом «житийные» особенности жанра памятника позволяют предположить, что он был предназначен для максимально широкой читательской аудитории⁷. О том, что чтение, по замыслу Константина, не должно было быть утомительным, а значит, трудно воспринимаемым, говорит сравнительно небольшой объем ЖВ — 142 страницы «Боннского корпуса», а также — авторское стремление «ужать» текст, сделать его посредством частой смены эпизодов более динамичным⁸ и, следовательно, легко читаемым. О том, что памятник

⁶ Полякова С. В. Византийские легенды как литературное явление. — В кн.: Византийские легенды. Л., 1972, с. 256—258 (там же указана необходимая литература).

⁷ Брейер ни словом не обмолвился о точке зрения Александра (Alexander P. J. Secular Biography at Byzantium. — In: Speculum, 1940, 15, p. 194—209) на жанр ЖВ — «биографический знойный».

⁸ Ср.: Из истории византийской хронографии X в. (Книга царей Генесия и «Жизнеписание Василия»). — ВВ, 1962, XXI, с. 95—117. Это важная статья не нашла отражение в библиографии, составленной Брейером.

предназначался для максимально широкой аудитории, можно судить и по системе аргументации ЖВ. Прежде всего — цитаты: из 23 (выявленных!) цитат одна восходит к Геродоту, шесть — к Гомеру, остальные — к Св. писанию. Причем в последнем случае цитируются кн. Бытия и Исход, кн. Иова, евангелия, Соборные послания и Деяния апостолов.

Таким образом, Константин ссылается на самые «популярные» и читаемые византийцами сочинения, многие пассажи которых большинство знало наизусть. Именно в этой связи показательно использование царственным писателем сравнений с античными героями. Очевидно, что сравнения эти были выбраны не в силу того, что у Константина не хватало собственных средств для создания образа идеального императора, или потому, что они были «лучше» византийских. Дело, скорее всего, в том, что античные сравнения, находясь «на слуху» у широкого читателя, были поэтому более доходчивыми, а главное — не требовали излишнего комментария. Для сравнения посмотрим, каково количество античных образов в другом сочинении Константина — «Об управлении империей»⁹ (далее: ДАИ), также имевшем адресата, но специфического. ДАИ, как известно, предназначалось «собственно сыну Роману» — императору Роману II (952—963) и содержало наставления в искусстве управления государством. В результате сопоставления видим, что, в то время как на 1158 имен собственных и географических названий, встречающихся в ДАИ, приходится лишь 10 античных, причем никак не обыгранных в тексте на 339 имен собственных и географических названий ЖВ мы имеем 16 античных, часто несущих дополнительную художественную нагрузку. Примечателен тот факт, что Константин клянется именем Геракла (ЖВ, 330:19), сравнивает с его подвигами труды василевса (ЖВ, 332:20). В этой связи интересно звучит и легендарное обоснование правомерности занятия Василием I императорского трона: Константин отводит важное место версии о том, что по отцу он происходил из царского рода Аршакидов, а свою генеалогию по матери возводил к Константину Великому. Здесь трудно не вспомнить, что такого рода легенды рассматривались Константином VII Багрянородным как важный элемент в убеждении собеседника, не принадлежавшего к высшим слоям византийской знати: к подобной аргументации он советует прибегать своему сыну Роману, чтобы избежать прямого ответа на нежелательные запросы варварских посольств (ДАИ, 13:104—119 и пр.).

Далее, Брейер упустил из виду, что ЖВ — памятник не только исторической, но и литературный. Так, он, очевидно, следуя за Дженкинзом¹⁰, ого-

ворил лишь тот факт, что образ Василия I контрастен образу Михаила III (с. 11). При этом, однако, он, не отметил, что противопоставление образов императоров — динамическое. И это, на наш взгляд, немаловажно: ведь только постепенно снижая качества Михаила III и, наоборот, прославляя благие деяния Василия I, можно было затушевать самый темный факт биографии последнего — убийство своего предшественника и благодетеля и, более того, подвести самого читателя к мысли о том, что в прошедшем виноват не убийца, а убитый. По мере того как Василий I, уже будучи наделен традиционными для идеального императора качествами — щедростью, великодушьем и богобоязненностью, лишь развивает их и доводит до верха совершенства, его благодетель из великодушного императора, приблизившего безродного юношу, постепенно обращается в богохульника, развратника, пьяницу и в конце концов, как замечает Константин, выживает из ума (ЖВ, 252:4). Опуская здесь рассуждения относительно других художественных особенностей памятника — введение дополнительных персонажей, использование популярной в византийской историографии символики, звукописи и т. п., отметим лишь последнюю немаловажную деталь. Речь идет об авторском отношении к тексту и художественному произведению вообще. Так, Константин соразмеряет части сочинения, придерживаясь, как уже было отмечено, житийной схемы; он отказывается от пространных описаний и, наоборот, часто меняет сюжеты, стараясь, по собственным словам, «извлечь красоту и изящество из пестроты» (ЖВ, 332:14, 294:3—5). Замечания о необходимости быть кратким (συμπτοῦσθαι) нередки в ЖВ (ЖВ, 217:21, 312:16 и след.). Кроме того, Константин сам направляет рассказ по нужному руслу, если вдруг ощущает, что слишком отклонился от темы (ЖВ, 216:13—16), или наоборот: «разбавляет» его развлекательными эпизодами (ЖВ, 294:3—5).

Примечательна склонность автора к употреблению глаголов в форме первого лица единственного числа (ЖВ, 217:12, 242:11, 244:3, 264:9, 262:18 и т. д.). Этим еще раз подчеркивается его стремление изложить произошедшие события по-своему и представить жизнеописание своего деда в выгодном для того свете. Очевидно, что Константин осознает необходимость изложить события почти столетней давности так, чтобы они звучали как можно более актуально для его аудитории. Поэтому при первой возможности он соотносит современные ему события с описанными. Так появляется «Константин, отец нашего (χαθ' ἑαυτὸν) патрикия Фомы» (ЖВ, 299:10—12), «часть Италии, ныне (νῦν) именуемая Лагвардийей» (ЖВ, 290:18) и т. п. Примечатель-

⁹ *Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio*/Ed. Gy. Moravcsik. — CFHB, 1. Washington², 1967.

¹⁰ *Jenkins R. J. H. Constantine VII's Portrait of Michael III.* — *Bulletin de la Classe des Lettres et des Sciences morales et politiques Académie Royale de Belgique*, 5e série, 1948, XXXIV, p. 71—77.

но, что Константин не отказывается и от народных выражений, слов, более знакомых его аудитории. Так, он пишет о «царской палице, которая в просторечии (συνηθεια) именуется „вардукий“» (ЖВ, 232:2).

Наконец, перед собой Константин видит не читателя, а слушателя (ЖВ, 295:5), а что касается повествования, то и его он определяет как устное: «говорю», «повествую» (ЖВ, 333:18, 336:18).

Рассмотренные аспекты, включая разнобразную символику, использованную Константином при написании ЖВ, необходимо было оговорить во введении, насколько можно подробно. Наряду с имеющимся анализом исторической ситуации это помогло бы читателю лучше ощутить атмосферу той эпохи, в которую создавался памятник, а значит, и лучше воспринять его. <

Что касается перевода, то Брейер не сообщает главных принципов, положенных в основу его работы. Однако, сличив немецкий перевод с греческим оригиналом, можно видеть, что Брейер руководствуется достаточно верным, с нашей точки зрения, принципом. Он стремится к максимально адекватной передаче оригинала, однако, когда возможности немецкого языка не позволяют это сделать — в силу непереводимости тех или иных выражений, игры слов и т. п., — он комментирует трудный пассаж в примечании (см. например, с. 117). При этом остается посетовать, что Брейер не придерживался этой установки на всем протяжении работы: многие пассажи переведены им безлично, потеряны интересные метафоры, выражения, что в конечном счете привело в ряде мест к недопониманию или неправильному пониманию текста.

Так, повествуя о том, как злодей Грилл с ведома и по наущению Михаила III нарядился патриархом и грязно оскорбил набожную мать императора, Константин замечает, что он скрыл под платом την ἐξάγιστην γενιάδα (ЖВ, 246:14). Это выражение Брейер переводит, как den verfluchten Bart («омерзительную бороду») (с. 67). Перевод, однако, верен лишь отчасти, так как слово ἐξάγιστος имеет два значения: «чрезвычайно святой» и «проклятый», «омерзительный». В данном случае игра слов несомненна. С одной стороны, Грилл одет патриархом, и, соответственно, должен быть наделен надлежащими эпитетами, подчеркивающими его святость как патриарха. С другой стороны, очевидно, что он — богоулыбок и негодяй, и это также должно быть отмечено Константином. Примечательно, что повествование о Грилле содержит ряд слов, могущих быть двояко истолкованными или наводящих на определенные ассоциации. Так, он был ἐπιφθίσιος (ЖВ, 244:8) — «объявлен виновником» или «посвящен» (в патриархи), при этом сам он именуется «фатриархом» (ЖВ, 245:10—11), т. е. «главой политического объединения или союза», что созвучно слову «патриарх». Обидно, что Брейер, отметив игру «патриарх — фатриарх» (с. 160), не увидел остальные звенья этой цепи.

Некий моряк Василикин, один из наемных убийц, охарактеризован Константином, как φιλόλογος (ЖВ, 250:8). Это слово Брейер перевел, как schmutziger (с. 69) — «грязный, скабресный, неприятный». Однако здесь на наш взгляд уместнее первое значение слова — «любящий выпивку, веселую компанию». От неожиданного высказывания Михаила III — не сделать ли ему этого Василикина после себя императором — πάντες... εἰσεῖνα' ἀχαρείς (ЖВ, 250:18). Брейер переводит этот пассаж: alle... blieben sprachlos (с. 69) — «все... безмолствовали», хотя здесь куда более яркая картина: все стоят, «разинув рот» (ἀχαρείς), а не «безмолствую».

Аналогично не передана в переводе и не отмечена в комментарии еще одна любопытная игра слов. Речь идет о том, что пьяное веселье Михаила III нередко оборачивалось большими бедами как для его собутыльников, так и для подданных вообще: καὶ πολλὰκις κομική παννυχίς εἰς τραγῳδίαν συμφορῶν ἐγένετο (ЖВ, 251:12—13): So nahm oft eine frohliche Nachtfeier einen tragischen Ausgang (S. 70) — «Так часто веселое ночное празднество принимало трагический исход». При правильном переводе в целом необходимо оговорить двойной смысл, заключенный в слове παννυχίς, — «ночное празднество» и «панихида». Интересно, что через некоторое количество страниц Константин напишет о кончине Михаила III, и выражение «веселая панихида» звучит в этом контексте предупреждающе: пьяный василевс служит панихиду по самому себе. Заметим также, что переводить τραγῳδίαν συμφορῶν как tragischen Ausgang нам представляется чересчур вольным.

Наконец, Брейер просто теряет метафоры: τὰς τοῦ κράτους ἡνίας (ЖВ, 255:10—11) — «бразды державы» — он переводит как Führung des Staates (S. 74) — «управление государством», снизив, таким образом, одну из главных характеристик василевса. Ведь, по мнению Константина, государство — несущаяся вперед колесница или корабль, а его правитель — мудрый кормчий или возница (ЖВ, 261:22, 293:2, 301:22 и т. д.).

Наряду с отмеченным выше в переводе немало иных неточностей. Так, уже говорилось, что Константин питает особенное пристрастие к выражению своих мыслей при помощи глаголов, поставленных в первом лице единственного числа, т. е. любит говорить от собственного имени. Эта особенность никак не отмечается Брейером, и целый ряд мест он переводит безлично. Например, ЖВ, 217:21: Ἄλλ' ἵνα ἐν μέσῳ συτέρω — Aber um es kurz abzutun (S. 44), ЖВ, 293:2: ὡς φθάσαντες εἶπομεν — wie oben erwähnt (S. 104). В некоторых случаях Брейер переводит почти наугад, не замечая авторских указаний на чужой речевой пласт и, соответственно, не учитывая их. Так, ЖВ, 232:2: ὁ βαρδούκιον οἶδει καλεῖν ἢ συνηθεια — die man gewöhnlich Bardukion nennt — «что обычно называет „вардукий“» (С. 55). В данном случае слово συνηθεια, скорее

всего, обозначает «просторечие» (ср. аналогичное значение этого слова в современном греческом языке), а не «обычай», как у Брейера. Поэтому вернее был бы перевод: «которая в просторечии зовется „вардукий“».

По непонятной причине слово «архистратиг» везде передается Брейером, как Erzengel («архангел»), несмотря на то, что в немецком языке имеются слова: Archistrateg (Heerführer der himmlischen Schaaren)¹¹. При этом стоит отметить, что под «архистратигом» имелся в виду св. архистратиг Михаил, тогда как «архангелом» мог именоваться Гавриил (или Рафаил) (ЖВ, 271:19 — S. 87; 309:22 — S. 117; 331:16 — S. 136).

Аналогично «наугад» переведено выражение ЖВ, 224:7 τὸν γείτονα θανάτου ἕπνον — Den Schlaf, den Bruder des Todes (S. 49, 71, 73). По-гречески же сон все-таки — сосед, а не брат смерти, тем более что само выражение, как нам кажется, заимствовано у Еврипида (?). Примечательно, что переводу Брейера полностью соответствует гомеровское выражение (Ил., 16:231), где вместо «соседа» как раз выступает «брат» (κασίγνητος).

Инструмент, которым играют на кифаре, — плектр (ЖВ, 244:19: τὰς κωθάραις τῷ πλῆκτρῳ) — Брейер переводит как «электрон» (Elektron, S. 65). Что это — неудачная конъектура: πλῆκτρον ἤλεκτρον или опечатка — сбилось «Р» на «Е», остается только гадать. Во всяком случае, плектры не делались из электрона — сплава золота и серебра, а чаще — из дерева, железа или слоновой кости¹² и были достаточно большими¹³, так что хрупкий материал янтари (если так переводить загадочное Elektron) был для этой цели просто негоден.

Неправильно, а наш взгляд, переведено византийское название «египетского камня», из которого была сделана одна из чаш во дворе Новой Церкви: ЖВ, 327:7—8 — ἐξ Αἰγυπτίου λίθου ὃν ἡμεῖς Ῥωμαίων λέγειν εἰσώθαμεν den wir römisch zu nennnen pflegen (S. 132) — «который мы обычно называем „римским“». В отличие от других византийских авторов, которые для обозначения ромеев и древних римлян пользуются одним словом — Ῥωμαῖος (как, например, Иованн Малала)¹⁴, Константин VII, как это видно из текста ДАИ (см. указатель), делает различие между ними, называя их соответственно Ῥωμαῖοι и Ῥωμαῖνοι. В этом случае прилагательное «римский» должно было бы, вероятно, звучать, как Ῥωμαῖνος, в то время как в тексте стоит Ῥωμαῖος. Следовательно, более верный перевод скорее — «ромейский».

Непонятно, почему выражение ЖВ, 289 : 5 οἱ ἀπὸ Καρχηδόνος ἀγαρηνοὶ («агаряне

из Карфагена») переведено Брейером как Araber(!) Karthagos (S. 101) («карфагенские арабы»), хотя во всех других случаях он передает это слово нормально — Agarener (например, S. 179).

Слово αὐτοχέρεις Брейер всегда переводит буквально: mit eigener Hand (töten) (S. 116, 152 ff.), что не всегда уместно, так как в ряде случаев можно было бы сказать просто — «убийцы».

Аналогично, вероятно, следовало бы раскрыть, кого имеет в виду Константин под «андрогинами» (ЖВ, 244 : 4). Скорее всего, речь идет о гомосексуалистах, а не просто о «двуполых» (Zwittergestalten — S. 64), как переводит Брейер.

Излишним буквализмом страдает перевод и другого пассажи ЖВ, 335 : 12, где эпитет, приложенный к апостолу Павлу — αἰθερόδρομος, передан, как durch die Lüfte eilend (S. 139) — «спешащий по воздуху». Чтобы не отвечать на вопросы «куда?» и «зачем?», неизбежно возникающие в этом случае, надо просмотреть все значения глагола τρέχω. И среди них есть следующее: «быть вовлеченным в какую-либо сферу». Учитывая это, перевод «сущий в эфире» навряд ли покажется неадекватным (ср. Любарский — Лихачева: «небесный Павел», с. 176).

«Победительный мученик» Назарий (der siegerliche Martyr, S. 130) получился у Брейера потому, что переводчик не понял слова ἀθλόφορος (ЖВ, 324 : 9). В данном случае ἀθλον — не «награда», «судебный приз», как, вероятно, считает Брейер, а «тяжкое бремя». Мученик же — тот, кто вынес это бремя (ср. Любарский — Лихачева — «страстотерпец», с. 173).

В пассаже ЖВ, 233 : 2: καὶ μετρίου (περιοδεύοντος) — слово μετρίου лучше передать не как ein wenig («немного»), а «достаточно», «в меру» (S. 56) — genügend (?).

Выражение ЖВ, 218 : 7: ὡς ἐπὶ πλήθουςαν τὴν ἄγορὰν ἢ ἡμέρα πρόκειται переведено как: ... zur Mittagszeit, wenn der Marktplatz voll von Menschen ist (S. 44) («к полудню, когда рыночная площадь полна народа»). Это не совсем так, ибо упущено из виду наиболее подходящее значение глагола προκίπτω с управлением ἐπὶ — «способствовать, сулить». Поэтому лучше перевести: «...ибо день сулил много народа на рынке».

Аналогичны замечания к переводу выражения ЖВ, 222 : 6—8: τοῦτο δὲ πρὸς τινα τῶν συνήθων — als sie dies einem Verwandten... (S. 47) (...когда она одному родственнику...). В данном случае речь идет о толкователе предзнаменований, поэтому слово συνήθης, на наш взгляд, осторожнее было бы перевести не как «родственник», а как «привыкший делать (что-то)». Поэтому общий перевод отрывка, думается, таков: «...когда она (поведа-

¹¹ Павловский И. Я. Русско-немецкий словарь. 2-е изд. Рига; Лейпциг, 1879, с. 12.

¹² Реальный словарь классических древностей по Любкеру/Под ред. Ф. Гельбке и др. СПб., 1855, с. 891.

¹³ См. изображение плектра на рисунке на вазе, хранящейся в мюнхенском музее. — В кн.: Die Hellenische Kultur/Von F. Baumgarten u. a. Berlin; Leipzig³, 1913 (Taf. 239, S. 230).

¹⁴ Schenk Graf von Stauffenberg A. Die römische Kaisergeschichte bei Malalas. Stuttgart, 1931, S. 235, et passim.

ла об этом) одному из тех, кто занимался (этим)...».

ЖВ, 229 : 10—12: Ἀλλὰ καὶ Κωνσταντῖνος ὁ πατρικίος, ὁ τοῦ καθ' ἡμᾶς λογοθέτου τοῦ δρόμου καὶ ἐν φιλοσοφίᾳ ἀκροῦ καὶ ἀδρότάτου περιφανῶς πατρικίου Θωμᾶ πατὴρ — auch der Patrikios Konstantin, der Vater des Patrikios Thomas, der Logothetes tu dromu, ein ausgezeichnete Philosoph und unbestechlicher Mann war — S. 53 («и патрикий Константин, отец патрикия Фомы, который был логофетом дрома, отличным философом и безупречным человеком»). В данном случае Брейер не обратил внимание на καθ' ἡμᾶς («у нас», «в наше время», «наш») и, переводя, дал возможность читателю приписать патрикию Константину достоинство его сына. Правильный перевод таков: «...и патрикий Константин, отец нашего патрикия Фомы, логофета дрома, первейшего философа и бесспорно мужественного (человека)».

Явными ошибками в переводе Брейера являются следующие: ЖВ, 225 : 12: κατὰ χεῖρα γευναῖος — значит просто «сильный», а не in manuellen Dingen tüchtig (S. 50) — «обладающий искусными руками» (?), как перевел Брейер.

ЖВ, 260 : 6—7: τὸν διαθήχοντα φθόνον — «разлившуюся зависть» переведено как seinen Neid... der ihn dahinsiechen lies (S. 61) — «зависть, заставлявшая его чахнуть».

ЖВ, 332 : 17—19: ὑπὸ τῶν συναγωγιστῶν ὑποστράτηγων δорυφορούμενον — umgeben von seinen lanzbewehrten Unterfelcherren (S. 137) — «(василевс), окруженный вооруженными копьями младшими полководцами». Здесь Брейер не заметил, что δорυφορούμενον согласуется с βραχέλαια, а заодно не учел значения самого глагола δорυφορέω — «охранять», «составлять свиту». Таким образом, «младшие полководцы» не были «вооружены копьями» (ср. Любарский — Лихачева: «в свите», с. 176) ¹⁵.

Наряду с отмеченными выше ошибками и неточностями перевод Брейера содержит много пропусков и добавлений, как не оговоренных в комментарии, так и не заключенных, где это требуется, в квадратных скобках. Например: ЖВ, 281 : 5 — 6: διαρπαγῆναι ἐφέλι — überliess er den Soldaten zur Plünderung (S. 95). В данном случае, при всей правильности перевода, слово den Soldaten необходимо заключить в квадратные скобки, как отсутствующее в оригинале. ЖВ, 285 : 2—3: ἴδε (sic!) ὦ μητρὸς τοῦ λόγου καὶ τοῦ Θεοῦ — Schau, Mutter Gottes und des göttlichen Wortes (S. 98). Аналогично слово göttlichen надо заключить в квадратные скобки.

ЖВ, 281 : 5: ἔπερ ἐκάλουον Γέροντα — das daneben liegende Städtchen Geron (S. 95). Пропущено: «который называли».

ЖВ, 292 : 21—22 ἐξήτει πῶς αἰ εὐπὲς τῶς δυνήθειν ἢ τελῶς τροπῶσασθαι τοὺς ἐχθροὺς ἢ κἂν ἐκ τῆς Ῥωμαϊκῆς ἐπικρατείας ἀπώσασθαι — aus dem Rhomäerreich vertrieben und verbannen konnte (S. 104). Пропуск: εὐπετῶς — «легко».

ЖВ, 294 : 9—10: ὁ δὲ ῥίξ τῷ κατάφωρον αὐτὸν γελῶντα πεποιηκῶτι — der ihm zum Lachen brachte (S. 106). Пропуск: κατάφωρον — «открыто».

ЖВ, 342 : 12: Geschenke (S. 137). Пропуск: τοῦ βασιλέως.

Что касается комментария, то и здесь Брейера, к сожалению, можно упрекнуть в ряде неточностей и недоработок. Прежде всего, он не комментирует местоположение многих упоминаемых в ЖВ географических пунктов, например р. Зарнук (ЖВ, 268 : 20). Самосат (ЖВ, 268 : 26) и т. д. То же самое можно сказать и о памятниках, характеризующих архитектурный облик Константинополя, — церквях, молельнях, дворцах, описанию которых сам Константин отвел достаточно места (гл. 79—85). Остается только недоумевать, почему в целом ряде случаев Брейер не отправляет своего читателя к книге Жанена ¹⁶, отмеченной им в списке литературы (S. 33), в которой содержатся многочисленные данные о постройках Константинополя. Иногда он обходит молчанием интересные пассажи, общие для ЖВ и ДАИ и отмеченные в комментарии к последнему ¹⁷, как, например, история с Солданом (ЖВ, 294—297). Также непонятно, почему этноним «скифы» комментируется только при вторичном упоминании (ЖВ, 288 : 19 — S. 101, первое — ЖВ, 217 : 2 — S. 43). Комментарий к слову ἀπερίτμητοι («необрезанные») также несколько необычен (S. 171). Ссылаясь на словарь Лямпе, Брейер пишет, что «необрезанные — признак язычества». Но так как в тексте идет речь о попытке Василия I крестить евреев, то такое объяснение не годится. Прежде всего потому, что евреи не рассматривались византийцами как язычники, а потому в данном контексте слово означает «нечестивые», «не признающие настоящую веру, настоящий закон». Очевидно, слово взято из Септуагинты и уже имеет несколько иное значение, чем просто «необрезанные» (ср. Иер., 6 : 10; Ез., 44 : 7—9; II Макк, 1 : 51, 2 : 46; и т. д.). Выражение, которое Брейер считает заимствованным из Георгия Киприота или Эзопа (S. 171—172), о том, что собака всегда приходит «на блевотину свою», очевидно, прежде всего восходит к Притчам Соломоновым (Пр., 26 : 11).

Как уже отмечалось выше, в своем сочинении Константин VII часто прибегает к античным и библейским реминисценциям и цитатам. В настоящей рецензии

¹⁵ Также никто из переводчиков не отметил, что в данном случае — скрытая цитата из «Херувимской песни» (ταῖς ἀγγελικαῖς δорυφορούμενον τάξιν). Таким образом, василевс как бы «представляет» Христа, сыновья — ангелов, а церковный свод, на котором изображена группа, — свод небесный.

¹⁶ Janin R. Constantinople byzantin. Developpement urbain et repertoire topographique. Paris, 1964.

¹⁷ Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio/Ed. R. J. H. Jenkins. L., 1962, Vol. II. Commentary.

мы стремились показать, что их использование в ЖВ подчинено определенной авторской цели. При этом в нашу задачу не входило выявлять все скрытые цитаты памятника. Отметим, однако, те, которые нам удалось обнаружить по ходу работы с текстом. ЖВ, 222 : 17: ὁ μὴ ἀπαξιῶσας ἐποσθῆναι τῇ δούλῃ σου (Лук., 1 : 48); ЖВ, 328 : 23, ср. 338 : 13: παράδεισος ἐξεργάσατο κατὰ ἀνατολὰς (Быт., 2 : 8); ЖВ, 342 : 11: ὡς ἰπὸ ἀνέμου φύλλα σαλευόμενον (Илиада, 6 : 147); ЖВ, 294 : 3—297 : 29 — история с Солданом (ДАИ, 29 : 120 и след.).

Аналогично «чужую речь» представляют собой выражения: ЖВ, 248 : 19: βύων τὰ ὄτα (Лукиан?); ЖВ, 285 : 6: γενοῦ βοηθός καὶ ὑπερασπιστής (Св. писание); ЖВ, 289 : 14—15: ὅπερ ψυχῆς τὸ λεγόμενον θέοντας (Гомер?); ЖВ, 335 : 12: αἰθερόδρομος (Аристофан?).

Γεώργιος Ξ. Θεοχάριδης. Ἱστορία τῆς Μακεδονίας κατὰ τοὺς Μέσους Χρόνους (285—1354). Θεσσαλονίκη: Ἡ Ἐταιρεία Μακεδονικῶν Σπουδῶν, 1980 (=Μακεδονικὴ βιβλιοθήκη. Δημοσιεύματα τῆς Ἐταιρείας Μακεδονικῶν Σπουδῶν, 55). 492 σ.,+ 2 χάρτ.

Новый труд известного греческого исследователя Македонии Г. Теохаридиса посвящен византийскому периоду ее истории. Монография Г. Теохаридиса освещает историю региона с последних десятилетий III в. до начала второй половины XIV в. Данное исследование призвано заполнить лакуну, образованную обобщающими научными работами греческих ученых по истории Македонии с древнейших времен вплоть до эпохи турецкого владычества¹.

«История Македонии» Г. Теохаридиса базируется на широком круге разнообразных по характеру и содержанию нарративных, риторических, эпистолографических и документальных материалов. Помимо названных видов источников, в труде греческого ученого нашли эффективное применение материалы монументальных памятников живописи и эпиграфики. Исследование Г. Теохаридиса изобилует уточнениями, исправлениями и передатировками. В своей совокупности сведения источников сделали возможным создание во многом оригинального исторического обобщения.

В своем исследовании Г. Теохаридис придерживается принципа хронологической последовательности изложения материалов. Основным частям исследования предшествует краткий обзор истории Македонии начиная со II в. до н. э. Хотя поглавное деление труда согласно

Отметим также, что в географическом указателе слово «эфиопы» (S. 179) стоит не по алфавиту — между «Египтом» и «агарянами»; что же касается карты, то она, вопреки сказанному во введении (S. 24), помещена не в конце, а в начале книги.

Все эти недостатки, однако, не могут послужить поводом для отрицательной оценки книги в целом. Перевод любого, тем более средневекового, текста — дело нелегкое, требующее незаурядных профессиональных знаний и искусства владения слогом. Брейер удачно сочетает в себе эти качества. «Жизнеописание Василия I» составляет достойное продолжение немецкой серии переводов.

Н. И. Сериков

датам правления византийских императоров не совпадает с хронологией правящих династий, периодизация истории Македонии средних веков, принятая в настоящей работе, строится в соответствии с периодизацией истории Византии в целом. Выделяются предвизантийский период (285—395 гг.), протовизантийский период (395—641 гг.) и «собственно византийский период». Последний объемлет все последующие века византийской истории вплоть до 1354 г. Указанное членение истории Византии игнорирует стадиальность социально-экономического развития страны. По существу два первых по этой классификации периода соответствуют первому этапу перехода от рабовладельческого общества к феодальному. Напротив, «собственно византийский период» «Истории» Г. Теохаридиса вмещает в себя весь исторический путь Византии от краха рабовладения и генезиса феодальных отношений до стадии зрелого феодализма². В отличие от большинства западноевропейских византистов, которые доводят свои повествования об истории византийской державы, как правило, до захвата ее столицы в 1204 г. крестоносцами, Г. Теохаридис рассматривает времена латинского завоевания и восстановления византийской государственности в неразрывной связи с предшествующими веками ее существования. Правда, конечная черта труда Г. Теохаридиса

¹ Среди обобщающих трудов последних десятилетий греческими учеными написаны исследования по древнейшей истории Македонии (Κανατσούλης Δ. Ἱστορία τῆς Μακεδονίας μέχρι τοῦ Μεγάλου Κωνσταντίνου. Θεσσαλονίκη, 1964), ее истории эпохи турецкого господства (Βαχαλόπουλος Ἰ. Ἱστορία τῆς Μακεδονίας 1354—1833. Θεσσαλονίκη 1969). Материалы по истории Македонии средних веков представлены прежде всего в трудах самого Г. Теохаридиса, из числа которых необходимо выделить научно-популярную «Краткую историю Македонии вплоть до турецкого владычества» (Σύντομη ἱστορία τῆς Μακεδονίας ἕως τὴν Τουρκοκρατία. Θεσσαλονίκη 1965) и общепризнанное исследование «Катепаниякия Македонии» (Κατεπανίκια τῆς Μακεδονίας. Συμβολὴ εἰς τὴν διοικητικὴν ἱστορίαν καὶ γεωγραφίαν τῆς Μακεδονίας κατὰ τοὺς μετὰ τὴν Φραγκοκρατίαν χρόνους. Θεσσαλονίκη, 1954).

² Ср.: Сюзюмов М. Я. К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма в Византии. — ВВ, 1960, XVII, с. 5.